

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-2-5–21

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Г.И. Гаджимурадова*¹

Введение
Формирование мусульманских
общин в Швеции и Финляндии
Иммигрантские сообщества и
проблема террористической
угрозы в Швеции и Финляндии
Заключение

Поступила в редакцию: 01.02.2019.
Передана на рецензию: 05.02.2019.
Получена рецензия: 19.02.2019.
Принята в номер: 25.04.2019.

Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии)

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Институт социально-политических исследований РАН; gadzhimuradova7@gmail.com

В статье рассматривается миграционная политика стран Северной Европы, особое внимание уделяется Швеции и Финляндии. Проводится сравнительный анализ исторической ретроспективы миграционной политики обеих стран в плане эмиграции и иммиграции. Финляндия за короткий промежуток времени сумела из страны эмиграции превратиться в страну иммиграции. Сходные демографические проблемы этих стран сделали иммиграцию единственным инструментом экономического развития. В статье рассматриваются основные положения миграционной политики Швеции и Финляндии по адаптации и интеграции мигрантов из мусульманских стран. Причины низкой интегрируемости мусульман кроются в ином культурном коде, этноцентризме, уровне образования и т. д. В статье анализируются различные точки зрения европейских ученых на проблему миграции мусульман в Европу, их интеграции в принимающее общество, дается обоснование того, почему именно финская модель иммиграционной политики на сегодняшний день считается наиболее успешной, высказываются предложения по улучшению интеграции мусульман в Швеции.

Ключевые слова: *миграционная политика, мультикультурализм, самосегрегация, гетто, эмиграция, иммиграция, ислам, христианство, адаптация, интеграция.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-2-5–21

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

¹ *Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна* – кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, orcid.org/0000-0003-3080-1813

G.I. Gadzhimuradova² Introduction. Received: 01.02.2019.
Formation of Muslim communities in Sweden and Finland. Submitted for review: 05.02.2019.
Immigrant communities and the terrorist threat in Sweden and Finland. Review received: 19.02.2019.
Conclusion. Accepted for publication: 25.04.2019.

Migration policy of the Nordic countries in respect of immigrants from Muslim countries (for example, Sweden and Finland)

MGIMO University of the MFA of Russia, Leading Researcher, Institute for Socio-Political Research of the RAS; gadzhimuradova7@gmail.com

The article discusses the migration policy of the countries of Northern Europe, special attention is paid to Sweden and Finland. A comparative analysis of the historical retrospective of the migration policy of both countries in terms of emigration and immigration is carried out. Finland for a short period of time managed to become a country of immigration from the country of emigration. The similar demographic problems of these countries made immigration the only tool for economic development. The article discusses the main provisions of the migration policy of Sweden and Finland on the adaptation and integration of migrants from Muslim countries. The reasons for the low integrability of Muslims are rooted in a different cultural code, ethnocentrism, level of education, etc. The article analyzes the different points of view of European scientists on the problem of Muslim migration to Europe, their integration into the host society, provides a rationale for why the Finnish model of immigration policy is considered to be the most successful today, offers suggestions for improving the integration of Muslims in Sweden.

Keywords: *migration policy, multiculturalism, self-segregation, ghetto, emigration, immigration, Islam, Christianity, adaptation, integration*

Введение

Когда встает вопрос о миграционной политике и ситуации с «миграционным кризисом» в Европе, то нужно понимать, что часть европейских стран в недалеком по историческим меркам прошлом имела опыт колониальной политики. Поэтому появление здесь людей с другим цветом кожи или иной конфессиональной принадлежностью – естественное продолжение такой политики даже после обретения независимости бывшими колониями. Достаточно привести пример Франции, Нидерландов, Испании или Великобритании. Именно на эти страны возлагают ответственность за то, что их колониальная политика привела к массовой иммиграции из бывших колоний, хотя та же Франция проводила активную политику ассимиляции иммигрантов, а языковая общность позволяла иммигрантам легче адаптироваться в стране.

Опыт Германии по привлечению иммигрантов имеет иную историю и связан с политикой привлечения трудовых мигрантов на основе двусторонних соглашений уже после Второй мировой войны. Здесь программы по интеграции иммигрантов не было вообще, т. к. привлечение трудовых мигрантов рассматривалось как временная мера и предполагалось, что по истечении определенного времени иностранные рабочие или рабочие-иммигранты (нем. *Gastarbeiter*) покинут страну.

² *Gadzhimuradova Gulnara Iljasbekovna* – PhD (Philosophy), Associate Professor of the MGIMO University of the MFA of Russia, Leading Researcher, Institute for Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia), orcid.org/0000-0003-3080-1813

И если появление колоний иноконфессиональных и иноязычных иммигрантов в этих странах с преимущественно христианским населением еще можно объяснить, то появление иммигрантов из Африки и Азии в скандинавских странах заслуживает особого внимания. Без сомнения, можно говорить о том, что политика привлечения мигрантов в эти североевропейские страны определялась социокультурной парадигмой, которая в дальнейшем являлась определяющей для развития данных государств. Еще со 2-й половины XX в. здесь утвердилась модель т. н. «социального государства», предоставляющего различные преференции для беженцев различных категорий, безработных, многодетных семей и т. п. Как замечает Д.В. Михеев, «основные усилия руководства этих стран были направлены на качественную интеграцию иммигрантов в общество, их социализацию с преимущественным правом на сохранение культурных особенностей. Однако уже в 1990-е гг. попытки реализации политики мультикультурализма и усиливающийся приток иммигрантов, многие из которых направлялись в страны региона в поисках лучшей жизни, но не работы, либо испытывали завышенные ожидания, приводили к серьезным противоречиям с местным населением» [12].

Анализ некоторых аспектов миграционной политики стран Северной Европы, прежде всего Швеции и Финляндии (имеющих множество исторических параллелей и очень близких по социально-культурному коду), в отношении иммигрантов из Африки и Азии, исповедующих ислам, показывает, что иммигранты-мусульмане, особенно во втором и третьем поколениях, для которых религия имеет большое значение в определении собственной идентичности, являют собой пример слабой интегрируемости, нетерпимого отношения к либеральным ценностям западного мира, нетолерантного отношения к иным конфессиям. Почему же одним странам удалось избежать появления мусульманских анклавов, живущих по законам шариата, а другим приходится признать провал политики мультикультурализма и искать пути преодоления кризиса межнациональных и межрелигиозных отношений?

Большой интерес представляют исследования по миграции и политике адаптации и интеграции иммигрантов, проводимые учеными Скандинавии, Финляндии, России, Германии, Франции, Испании, ряда других европейских стран, которых затронул «миграционный кризис» 2014–2016 гг. Заслуживает внимания исследование коллектива авторов из Испании, Франции, США Фабио Ламанна (Fabio Lamanna), Максимо Ленормана (Maxime Lenormand), Марии Энар Салас-Олмедо (Maria Henar Salas-Olmedo), Густаво Романиллоса (Gustavo Romanillos), Бруно Гонсалвеса (Bruno Goncalves), Хосе Дж. Рамаско (Jose J. Ramasco) «Immigrant community integration in world cities» (Интеграция иммигрантского сообщества в городах мира), посвященное интеграции иммигрантов на примере 53 стран мира. Они разработали новую методику исследования и сделали попытку определения общих черт, касающихся миграционной политики [31]. Ученые из Швеции К. Бореви (Borevi K.) [26] и Элизабет Шелл (Carly Elizabeth Schall) [27] представляют в своих работах плюсы и минусы шведской модели мультикультурализма и интеграции на современном этапе. К. Бьорклунд (Bjorklund K.) [30], Л. Малки (Malkki L.) [34], Г. Пиньол-Хименес (Pinyol-Jiménez G.) [24] и Й. Вирккунен (Virkkunen J.) [23] освещают миграционный фон в Финляндии и проблему национальной безопасности в связи с «кризисом беженцев».

Большой научный интерес в области миграционной политики современной Швеции представляют и исследования отечественных ученых Н.С. Плевако [16] и О.В. Чернышевой [21], Н.А. Сорокиной [19] о современных реалиях миграционной политики Финляндии; О.Ю. Потемкиной [18] – о положении дел в миграционной политике стран Евросоюза и процессах адаптации иммигрантов из стран Африки и

Азии. Миграционная политика европейских стран часто рассматривается исследователями в сравнении с миграционной ситуацией в Российской Федерации. Учет результатов стран Северной Европы в этой области может положительно сказаться на формировании некоторых положений миграционной политики Российского государства.

Формирование мусульманских общин в Швеции и Финляндии

Маленькая Швеция разместила у себя достаточно большое число просителей убежища. Наибольшее количество из них являлись выходцами из Сомали, Афганистана и Сирии³. Если же говорить о Финляндии, то в 2016 году до 60 % доли всех иностранных граждан в Финляндии составляли европейцы (большинство из них являлось гражданами Эстонии, России, Швеции) и только 33 % – азиаты (большинство из них – граждане Ирака, Китая, Таиланда и Афганистана); 7 % – представители других национальностей, большинство из которых – граждане Сомали [38]. Таким образом, большинство иностранного населения в Финляндии было представлено европейцами.

Как сообщает информационный ресурс «Newsru.com», «всё возрастающий поток беженцев постепенно привел к тому, что мусульмане стали второй по численности религиозной группой в Финляндии, потеснив представителей такой традиционной религиозной общины, как православные. На данный момент в стране проживает около 70 тыс. мусульман, и их число продолжает расти в связи с увеличением числа просителей убежища» [13]. Рост численности мусульманских общин в Швеции и Финляндии, как и в других странах ЕС, обеспечивается стабильным миграционным приростом и расширенным режимом воспроизводства: мусульманам свойственны высокая рождаемость и традиции многодетности (они сохраняются у иммигрантов-мусульман в первом и втором поколениях и в принимающих странах). По примерным оценкам к 2010 г. численность мусульман в Европе превысила 12 млн человек, а к 2015 г. – 20 млн человек. По данным отчета «The Future of the Global Muslim Population» [29], подготовленного Вашингтонским «Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life», в 2011 году в 18 странах ЕС проживало свыше 18 млн мусульман, а к 2030 году их численность, по прогнозу, вырастет до 30 млн.

К такому выводу пришли эксперты исследовательского центра «Pew», смоделировав три возможных сценария будущей миграции. Как подчеркивается в материалах центра, «это не попытки предсказать, что произойдет в будущем, а, скорее, прогнозы о том, что может произойти в разных обстоятельствах». При этом в «Pew» учитывают миграцию, мотивированную экономическими, образовательными и семейными причинами, а не миграцию как поиск убежища. По данным центра, даже при «нулевой миграции» количество мусульман в Европе будет прогрессировать, поскольку сегодня мусульмане в среднем на 13 лет моложе европейцев и имеют более высокую рождаемость. Мусульманские женщины имеют в среднем 2,9 ребенка, что значительно выше следующей по величине группы (христиане – 2,6) и среднего числа всех немусульман (2,2). Во всех основных регионах, где проживает значительное мусульманское население, рождаемость мусульман превышает рождаемость немусульман [33].

Вместе с тем стоит отметить, что во многих странах с мусульманским большинством отмечается тенденция к снижению уровня рождаемости. Средний

³ Источник: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Asyl.html>.

показатель общей рождаемости для стран с мусульманским большинством снизился с 4,3 ребенка на женщину в 1990–1995-х годах до примерно 2,9 ребенка в 2010–2015-х годах. Ожидается, что в течение следующих 20 лет уровень рождаемости в этих странах с мусульманским большинством будет продолжать снижаться, хотя и не так резко, и сократится до 2,6 ребенка на женщину в 2020–2025 годах и 2,3 ребенка – в 2030–2035 годах [39].

За относительно небольшой период (приблизительно 30 лет) «Швеция, наиболее активная в вопросе приема иммигрантов, превратилась из моноэтнического государства в страну с мультикультурным населением, более 15 % жителей которой родились за пределами королевства» [16]. В связи с этим Швеция, как и ряд стран Северной Европы, сталкивается с множеством трудностей на пути интеграции иммигрантов. И основным препятствием, на наш взгляд, является кризис идентичности в среде «новых» граждан и нежелание мигрантских сообществ, прежде всего мусульманских, принимать европейские «ценности» и интегрировать в страну проживания. Неудачный опыт интеграции, по мнению О.В. Чернышовой, можно объяснить взаимным неприятием системы обоюдных «ценностей» иммигрантами и автохтонным населением. Она считает, что для шведов характерен в большей степени индивидуализм, в то время как для иммигрантов-мусульман человек является частью большого рода, большой семьи, уммы, для которого мнение и поддержка сородичей имеют первостепенное значение [21].

Мы уже ранее отмечали, что «в основе жизненных установок мусульман лежит дар-аль-ислам, или территория, где распространены законы шариата, т. е. территория мусульманского права. Противоположностью дар-аль-исламу является дар-аль-куфр⁴, или территория неверия (заблуждения). Европа с точки зрения мигрантов-мусульман и является такой территорией, поэтому сохранение и распространение дар-аль-ислама является для них принципиальным» [4].

Иммигрантское прошлое, на наш взгляд, шлейфом тянется за «новыми» гражданами, которые прожили длительное время в стране или уже являются шведами в нескольких поколениях. Это наглядно проявляется в скрытой дискриминации на рынке труда, в быту и в повседневной жизни. Ощущение того, что ты «другой», отличный от «настоящих» шведов и по внешности, и по культуре, зачастую доступность общения и дружбы только с представителями своей общины не позволяют чувствовать себя «своим» среди «чужих». Парадоксально, но «принимающее» общество само не принимает мигрантов. И это, понятно, не способствует скорейшей интеграции. Хотя на уровне правительственных решений, деятельности общественных организаций и церкви картина несколько иная.

Присутствие мусульман в европейских странах становится все более заметным. И во многом это происходит благодаря строительству новых мечетей. Придя на смену молитвенным залам на арендуемых складах и в подвалах, они демонстрируют, что ислам – это неотъемлемая часть Европы⁵. Параллельно с увеличением мусульман и количества мечетей в странах Европы идет процесс ликвидации христианских церквей, который набирает обороты. По данным интернет-источников, например, Швеция избавляется от церквей, которые отягощают бюджет страны. По словам пастора Ханса Берье Хамара, евангелическо-лютеранская церковь Швеции обладает 3384 постройками, из которых только 500 используются раз в месяц для богослужений, при этом на поддержание храмов приходится тратить около 50 млн

⁴ Термин не является каноническим, впервые использован исламским богословом Абу Хан фа ан-Ну ибн Сит аль-Куфи (699–767 гг., или 80–150 гг. по хиджре).

⁵ Источник: <http://islam.ru/content/kultura/45608>.

евро. Швеция уже избавилась от части своих зданий в Европе. Посещаемость церкви Швеции очень низкая: согласно ее собственным данным, менее 4 % ее членов посещают богослужения, постоянных прихожан – лишь 2 %⁶.

С точки зрения Н.С. Плевако, понятие «мультикультурализм» в Швеции постепенно уступает место понятию «этническое и культурное многообразие», что отражает общую тенденцию разочарования европейцев в политике мультикультурализма [28]. Вместе с тем, несмотря на свою поликультурную политику, по мнению исследователя Симы Ароры-Йонссон (Seema Arora-Jonsson), Швеция в то же время имеет примеры исключений, сегрегации и дискриминации, что может говорить о присутствии расхождений в политике и практике интеграции [37]. Таким образом, мультикультурализм, по мнению некоторых шведских исследователей, стал способствовать социальной фрагментации общества [25; 26].

Одной из попыток решить проблему интеграции мигрантов является Национальный день Швеции⁷ как идеальное воплощение «изобретенной традиции», созданной «сверху вниз», своего рода интерпретацией нового понимания модели мультикультурности, где проверяется связь между нацией и культурным разнообразием современной Швеции. Объявление его национальным праздником представляет собой попытку вовлечь государство в культурные процессы интеграции [27].

В 2015 году была запущена программа по интеграции под названием «Культурный друг», которая была реализована в коммуне Тибро (11044 жителей), что на западе Швеции. Инициатива представляет собой долгосрочную договоренность, направленную на «содействие дружбе и культурному взаимопониманию между вновь прибывшими и постоянными жителями Тибро». Организаторы проекта подчеркивают, что инициатива направлена на взаимное обучение, обмен и сотрудничество, которые могут помочь преодолеть предрассудки и социальные разногласия [32].

По мнению Е.С. Котловой, «одним из препятствий, мешающим адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции, является низкий уровень образования и знания языка иммигрантами. Большинство из них не говорит по-шведски. Несмотря на программы обучения, язык остаётся проблемой для многих, ведь на его изучение уходят годы. Низкий уровень образования также ограничивает возможности интеграции, так как практически невозможно найти достойно оплачиваемую работу. В поисках средств к существованию иммигранты, с одной стороны, вовлекаются в криминальную деятельность и ведут маргинальный образ жизни, а с другой, иммигрантские сообщества становятся более замкнутыми, что негативно воспринимается самими шведами и ведет к разного рода дискриминации, как на бытовом уровне, так и на рынке труда» [9]. По мнению одного из экономистов и критиков миграционной политики Швеции Тино Санандаджи (Tino Sanandaji), среди взрослых шведов работающих людей 82 %, в то время как среди иммигрантов из западных стран их всего 52 %. И эта разница в последние годы быстро увеличивается [20], что также не способствует успешной интеграции.

С высокой долей вероятности можно предположить, что шведская система широких социальных гарантий для иммигрантов из неблагополучных и кризисных регионов мира также является причиной низкой интегрируемости приезжих.

⁶ Источник: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-19/13_419_europ.html.

⁷ Государственный праздник в Швеции (Национальный день Швеции, или День шведского флага, отмечается 6 июня, учрежден в 1983 г., а с 2005 г. стал выходным днем).

Преобладание данной группы иммигрантов в структуре миграционного потока тоже не может положительно сказаться на социальных отношениях и стабильности.

Характерной чертой скандинавской системы государства «всеобщего благосостояния», особенно ярко выраженной в Швеции, было объединение идеи всеобщего доступа к щедрым услугам социального обеспечения с участием на рынке труда. Таким образом, для иммигрантов обязанность трудоустройства была встроена в систему иммиграционного контроля [26].

В то же время исследования шведских социологов показывают, что среди молодых людей иностранного происхождения больше безработных, чем среди молодых шведов. Механизмы, которые препятствуют иммигрантам быть занятыми на рынке труда, работают и в отношении второго поколения. Иностранное происхождение часто мешает иммигрантам в поисках работы, но, с другой стороны, оно не препятствует получению образования [6].

По прогнозам «Pew» Швеция будет испытывать еще больше проблем с беженцами, если миграция будет продолжаться бесконечно: население Швеции (8 % мусульман в 2016 году) может вырасти до 31 % мусульман к 2050 году, по сравнению с 21 % в среднесрочном сценарии и 11 % – без дальнейшей миграции мусульман [29]. Для сравнения: в 2010 году количество мусульман в Финляндии составляло 0,7 % от всего населения, в 2050 г. это число может равняться 3,4 % [8]. По прогнозам, количество мусульман в Финляндии вырастет в пять раз к 2050 году: их число может достигнуть 190 000, тогда как сейчас в Суоми их проживает порядка 40 тысяч человек.

Больше всего беженцев в Европу в период с середины 2010 г. по середину 2016 г. прибыло из Сирии. Большинство из них приехало в поисках убежища от гражданской войны и наступления «Исламского государства»⁸.

Количество основных групп беженцев (по статусу) по странам происхождения в Финляндии и Швеции на декабрь 2017 года⁹

Страна происхождения	Страна приема	Общая численность
Сирия	Швеция	96 914
Эритрея	Швеция	25 968
Сомали	Швеция	22 548
Ирак	Швеция	21 693
Афганистан	Швеция	16 558
Иран	Швеция	4 863
Эфиопия	Швеция	1 572
Йемен	Швеция	9 29
Ирак	Финляндия	6 781
Сомали	Финляндия	3 304
Афганистан	Финляндия	2 216
Сирия	Финляндия	1 677

Беженцев из этих стран больше всего среди мигрантов в Швеции и Финляндии.

Адаптация и интеграция новой волны иммигрантов в Швеции происходили крайне медленно, им труднее было найти работу, значительная часть прибывших в страну лиц жила на пособия. Так, например, в середине 1990-х гг., когда безработица в среднем в стране составляла не более 8 %, среди иммигрантов она достигала 33 %,

⁸ Организация, запрещенная в России и некоторых других странах.

⁹ Источник: <https://www.unhcr.org/globaltrends2017>.

а среди некоторых категорий доходила до 90 % (среди выходцев из некоторых стран Азии и Африки, как Ирак, Афганистан, Сирия, Сомали, Судан). Одним из негативных последствий притока значительных масс иммигрантов является их компактное расселение. Значительная часть налогов, собираемых в стране, отчисляется в коммуны, на которые возлагается основная тяжесть социальных расходов. Как было отмечено выше, иммигрантам обычно сложнее найти высокооплачиваемую работу, их отчисления в бюджет коммун незначительны, а расходы на социальное обеспечение, наоборот, достаточно высоки. В результате коммуны вынуждены сокращать свои расходы, что приводит к оттоку коренного шведского населения и превращению отдельных районов страны в настоящие гетто.

В Финляндии же успешная адаптация и интеграция иммигрантов рассматриваются как важнейшие условия для их дальнейшего трудоустройства и проживания в стране. Демографическая ситуация в Финляндии, как и во многих других странах Евросоюза, показывает рост числа пожилых граждан, и, соответственно, эти страны нуждаются в притоке рабочей силы. Так случилось, что «новые граждане» в Финляндии, Швеции и других странах ЕС в основном представляют иноконфессиональные сообщества, и те страны, население которых до сих пор было моноэтническим, столкнулись с проблемой адаптации и интеграции иммигрантов с другими ценностями и жизненными установками. Число прибывающих иммигрантов различных категорий будет только возрастать, учитывая потребность Финляндии в рабочей силе и демографическую ситуацию в стране, т. к. «меняющаяся возрастная структура населения Финляндии станет причиной спада предложения рабочей силы. Одним из путей решения этой проблемы является привлечение в страну иностранной рабочей силы. В будущем будет уделяться большое внимание интеграции иммигрантов в Финляндии» [24]. С другой стороны, как замечает Н.А. Сорокина, «в связи с притоком нелегальных мигрантов в Финляндии резко вырос уровень организованной преступности, а безработица в ряде областей экономики приобрела угрожающий характер» [19].

В настоящее время в связи с охватившим Европу миграционным кризисом 2014–2016 гг. иммиграционная политика Финляндии качественно меняется. Правительством Финляндии 8 декабря 2015 г. был представлен проект нового миграционного законодательства страны в отношении беженцев, в который были внесены некоторые изменения. Основная цель изменений состояла в том, что число просителей убежища будет сокращено и система их размещения будет реформирована в сторону уменьшения количества пунктов по приему беженцев. Те категории ищущих убежища, чей статус изменится в пользу получения вида на жительство с последующей натурализацией, будут распределены по стране для их трудоустройства. Понятно, что определенных затрат потребует и их обучение языку и профессии, но берется в расчет, что эти затраты окупятся в ближайшем будущем при хорошей интеграции мигрантов, чему будет способствовать многоуровневая миграционная политика страны. Многоуровневость достигается тем, что:

- на национальном уровне разработкой интеграционной политики занимается Министерство внутренних дел Финляндии;

- на региональном уровне местные органы власти в сотрудничестве с местными службами занятости и институтом социального страхования составляют программу по интеграции;

- на индивидуальном уровне составляется т. н. интеграционный план для каждого иммигранта, представляющий собой соглашение между органами местной власти, которые ставят на учет мигранта, службой занятости, предоставляющей

рабочие места, и самим иммигрантом, заинтересованным в скорейшей интеграции через изучение языка и получение необходимой профессии.

Как указывают М.А. Питухина и С.В. Сигова, «особый интерес представляют статистические исследования в разрезе «трудоустройства трудовых мигрантов в зависимости от страны происхождения». Высокие показатели трудоустройства у граждан из Великобритании, Швеции, Эстонии, Китая, Турции, США. У мигрантов из бывшей Югославии, Ирана, Сомали, Ирака – самые низкие показатели» [15].

Таким образом, как мы ранее уже отмечали, «работа системы приема беженцев в Финляндии продолжает характеризоваться настойчивой политикой адаптации. В связи с тем, что поток беженцев существенно сократился, были упразднены многие центры приема и уменьшены возможности оставшихся центров: в начале 2017 г. было доступно около 16 700 мест, и только около 10 200 мест – в конце года. В начале года в Финляндии насчитывалось 77 приемных центров, а в конце года – уже 48» [5].

Также в рамках новой миграционной политики существенно сократилось число регионов, откуда страна готова принимать беженцев. Так, в 2015 году были ужесточены правила предоставления убежища гражданам Ирака и Сомали, а в 2017 году – просителям убежища из Афганистана. Финляндия планирует экстрадировать около двух третей от общего числа прибывших мигрантов, то есть примерно 20 тыс. человек.

Швеция также вышлет не менее 80 тыс. человек, претендовавших на статус беженца, которым в этом было отказано. Как пишет Т.Г. Хришкевич, «в Швеции правительство объявило о выплате беженцам 4100 евро, чтобы те покинули страну. И за 8 месяцев 2016 года более 4,5 тысяч соискателей убежища выехали из королевства, отреагировав, таким образом, на долгие сроки рассмотрения заявок и новые строгие правила по воссоединению семьи» [23].

В основе иммиграционной политики обоих государств, как мы видим, лежат принципы толерантности, равных прав и возможностей иммигрантов и местного населения. Но реализация этих принципов возможна только при глубокой интеграции иммигрантов в страну проживания. Политика интеграции в Швеции и Финляндии реализуется по-разному. Если в Финляндии в этот процесс вовлечена большая часть общества через различные институты и общественные организации и интеграция идет «снизу», то шведская модель интеграции опирается в основном на различные государственные нормативные акты и инициативы, т. е. «сверху». Можно говорить о накоплении в Швеции т. н. «критической массы» иноконфессиональных иммигрантов, что неизбежно привело к появлению районов их компактного проживания, а это не способствует скорейшей интеграции. Поэтому, на наш взгляд, дисперсное расселение иммигрантов, разумное распределение пособий, взаимопроникновение культур и селективная миграция могли бы способствовать скорейшей интеграции приезжих. В противном случае это приведет к росту социально-экономической и политической напряженности внутри страны и популярности правых партий, экстремистских и радикальных движений.

Иммигрантские сообщества и проблема террористической угрозы в Швеции и Финляндии

Следующей проблемой, которая очень актуальна и напрямую связана с миграционной политикой и той идеологией, которая стоит за политикой «открытых дверей», является проблема террористической угрозы. Серия террористических атак во Франции, Германии и других странах ЕС показала уязвимость этих стран и Европы в целом перед лицом террористической угрозы. Финляндия, например, ограничила

движение на пунктах пропуска на границе с Россией, опасаясь потока «велосипедных нелегалов». Речь идет прежде всего о пунктах пропуска на российско-финской границе Сала и Лот [10].

«Миграционный кризис» вызвал активные политические дебаты в обществе и на различных политических и иных площадках (телевидение, научно-практические конференции, соцсети и др.) по вопросам безопасности и характера «кризиса беженцев» [36]. Получается, что, во-первых, одной из причин миграционного кризиса является война и угроза со стороны ИГИЛ (запрещена в России), во-вторых, сама миграция, особенно неконтролируемая, порождает нестабильность и опасность терроризма.

В Финляндии, к примеру, выявлено 370 человек, причастных к ИГИЛ¹⁰. Большинство из них не попали в страну как беженцы, а были завербованы уже в Финляндии через социальные сети или другим способом¹¹. Опасение вызывает тот факт, что в Швеции за последние годы число лиц, причастных к террористическим организациям, резко возросло. Выявлено 3000 человек, из которых 2000 являются радикальными исламистами и 1000 – членами других экстремистских групп.

В Швеции, которая долгое время считалась одной из самых безопасных стран, сегодня есть города с очень высоким процентом мусульманских иммигрантов – Мальмё и Ярва, а также район Biskopsgården в Гетеборге, для которых характерен высокий уровень самосегрегации, что абсолютно не было свойственно для Швеции еще 20–25 лет назад. За последние 25 лет криминогенная ситуация в Швеции ухудшилась. Небезопасно в районах с большим количеством иммигрантов, 90 % населения которых имеет иммигрантский опыт и представляет в основном второе поколение иммигрантов. Основная проблема заключается в том, что некоторые иммигранты до сих пор не считают себя частью общества или страны, в которой живут. Причина преступности кроется не только в этноконфессиональном факторе, хотя и это тоже важно, а в социально-экономической ситуации в среде мигрантов. В Швеции радикализация, количество экстремистских инцидентов и участие в международных экстремистских сетях многообразны и в несколько раз выше, чем в Финляндии [22]. В Финляндии нет иммигрантских гетто, вероятно, из-за того, что ее миграционная политика является более взвешенной и сбалансированной, а миграционная история здесь сравнительно молодая. Конечно, если сравнивать Финляндию с другими странами, то здесь количество беженцев и мигрантов меньше, но, тем не менее, опыт Финляндии по приему и размещению беженцев и интеграции мигрантов достаточно показателен. Поэтому и террористическая угроза, хотя и существует, здесь на порядок ниже, чем в соседних странах.

Заключение

Миграционная политика стран Северной Европы, в частности Швеции и Финляндии, претерпела значительные изменения на протяжении нескольких десятков лет. Швеция стала примером неудачной иммиграционной политики, где «интеграция и политика властей Швеции привели к сильной социальной и территориальной сегрегации общества, где чувство отчужденности материализовалось в заброшенных пригородах в культуру этно-конфессиональных банд» [3]. Связано это и с изменением характера потоков миграции: от миграции европейских народов внутри Европейского континента до миграции из стран Азии и Африки. Миграция в Швецию и Финляндию людей иной религиозной принадлежности поставила перед правительствами этих

¹⁰ Источник: <https://arena.yle.fi/1-4256969> (06.06.2018).

¹¹ Здесь имеется в виду, что вербовка происходит и в самих мусульманских анклавах.

стран многочисленные проблемы, связанные с адаптацией и интеграцией иммигрантов с иными ценностями и жизненными установками. Массовый исход мусульман из стран проживания в Европу, явившийся следствием войн, наступления международного терроризма, ухудшающейся экономической ситуации и прочих причин, привел к изменению ряда положений миграционной политики стран ЕС в сторону ее ужесточения. Как отмечает К.В. Воронов, «в последнее время правительства северных стран предприняли колоссальные усилия по реформированию избранных ранее моделей социальной интеграции новоприбывших. На Севере Европы пришли к убеждению в том, что вынужденные переселенцы имеют недостаточные стимулы к труду, поэтому меры, принимаемые государством, нацелены прежде всего на максимально скорое привлечение мигрантов к трудовой деятельности» [7].

Наряду с проблемами по адаптации и интеграции иммигрантов, в странах приема возникли проблемы противодействия террористической угрозе, вызванной со стороны приверженцев радикального ислама. Страны Европы оказались совершенно не готовы к новым вызовам, о чем свидетельствуют серия террористических атак и появление маленьких «государств, основанных на шариатском праве», внутри стран Европейского союза. Все это говорит о своевременности совершенствования системы миграционного законодательства в странах Еврорезоны. Но процесс миграции все большего числа мусульман в Европу уже необратим. И это сегодняшняя реальность. Интенсивная иммиграция привела даже к формированию новых социально-политических «разломов» между государствами, между местным населением и политиками, между местным населением и мигрантами, между «европейскими» мусульманами (ранее прибывшими и интегрировавшимися в европейские общества) и мусульманами-«иммигрантами» (прибывшими в последнее время) [14].

Даже если каждая страна ЕС плюс Норвегия и Швейцария сразу закроют свои границы для дальнейшей миграции, доля мусульманского населения в этих странах продолжит увеличиваться за счет естественного прироста. Это значительный рост, хотя мусульмане – все еще относительное меньшинство в этом регионе христианского большинства. Даже в среднесрочном сценарии без каких-либо будущих потоков беженцев Швеция будет иметь вторую по величине долю мусульманского населения (20,5 %) по состоянию на 2050 год. И это отразится в сфере социально-политических и экономических изменений в Швеции и странах Северной Европы¹².

В то же время сегодня мусульмане довольно широко представлены в различных структурах общественной и политической жизни Швеции и Финляндии. Свидетельством тому является рост числа мусульманских организаций и организаций с участием мусульман в европейских странах, которые подробно описаны в «Ежегоднике мусульман в Европе», выходящем под редакцией профессора исламских исследований Бирмингемского университета Йоргена Нильсена (Jorgen Nielsen) [35]. Большая часть «новых граждан» показывает пример успешной интеграции в стране проживания. Но и Европа меняется в связи с увеличивающимся количеством иноконфессиональных иммигрантов. Можно согласиться с мнением, что «именно исламские организации являются движущей силой в медленной трансформации европейского общества, они реализуют тот потенциал, который заложен в мусульманских гражданах европейских государств, а также в многочисленных иммигрантах» [1].

¹² Источник: <http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (30.09.2018).

Таким образом, миграционная политика Финляндии и Швеции, преследуя похожие цели, все же по-разному подходит к их реализации. Для Швеции первоочередной является задача решения проблем самосегрегации мусульманских иммигрантов и их дальнейшей интеграции. Финская же модель миграционной политики может по праву считаться одной из лучших в мире, о чем свидетельствует большое количество нормативных актов, касающихся вопросов иммигрантов. В настоящее время существует множество идей по модернизации миграционного законодательства Финляндии, которое в свою очередь улучшит правовое положение иммигрантов и позволит им более глубоко интегрироваться в финское общество.

Литература

1. *Бородай С.Ю.* Исламские организации в странах Европы // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты: ежеквартальный альманах. Вып. № 3–4 (31–32). – М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2013. – С. 39–59.
2. *Вирккунен Й.* Границы, поляризации и активизм: выявление взаимосвязи между миграцией и безопасностью в Финляндии в 2015–2016 гг. / под ред. В. Безье Герхард. Как бороться с беженцами? Европа как континент мечтаний. – Берлин: Изда ЛИТ, 2018.
3. *Вирккунен И., Гаджимурадова Г.И.* Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии. // Современная Европа. – 2018. – № 5. – С. 131–140.
4. *Гаджимурадова Г.И.* Женская миграция из арабо-мусульманских стран в Европу: причины и современное состояние // Власть. – 2016. – Т. 24, № 12. – С. 147–149.
5. *Гаджимурадова Г.И.* Опыт миграционной политики некоторых стран Северной Европы и возможность его применения в России (по результатам качественного исследования в лагере беженцев в Финляндии // Власть. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 139–142.
6. *Густафссон Б.* Современный опыт Швеции в области международной миграции: проблемы и исследования // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1, № 2. – С. 181–211.
7. *Арбатова Н.К.* Северные страны // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. – М., 2016. – С. 36–41.
8. Количество мусульман в Финляндии увеличится почти в 5 раз // Россия сегодня. 08.04.2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20150408/227368239.html> (15.09.2018).
9. *Котлова Е.С.* В поисках баланса: шведская модель этнической политики на современном этапе // Арктика и Север. – 2016. – № 25. – С. 103–104.
10. *Метцель М.* Путин: РФ и Финляндия договорились ввести временные ограничения на границе // ТАСС. 22 марта 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2798836> .
11. Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия / Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, М.Н. Храмова, Г.И. Гаджимурадова. – М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. – 116 с.
12. *Михеев Д.В.* Миграционная политика стран Северной Европы и ее изменение в условиях миграционного кризиса (2014–2016 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 6. – С. 112–120.
13. Мусульмане в Финляндии потеснили православных. <https://www.newsru.com/religy/12nov2015/finmusortho.html> (12.09.2018).

14. *Осинов Г.В., Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гаджимурадова Г.И.* Миграционный кризис и мусульманские общины: последствия для Европы и уроки для России // Об актуальных задачах реализации государственной миграционной политики с учетом международной обстановки: Аналитический вестник Совета Федерации. – 2016. – № 55 (654). – С. 21–43.
15. *Путухина М.А., Сигова С.В.* Ключи к успеху: опыт миграционной политики в Финляндии // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 35–38.
16. *Плевако Н.С.* Шведская модель: прошлое и настоящее // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. – М.: Наука, 2015. – С. 5–20.
17. *Полонский И.* Мигранты едут на север. Специфика миграционной ситуации в Скандинавии // Военное обозрение. 26 января 2016 год. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://topwar.ru/89728-migranty-edut-na-sever-specifika-migracionnoy-situacii-v-skandinavii.html> .
18. *Потемкина О.Ю.* Иммиграционная политика Европейского союза: итоги и новые вызовы // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения = Migration in Europe: problems and remedies / под ред. Н.Б. Кондратьевой (отв. ред.), О.Ю. Потемкиной. – М.: Ин-т Европы РАН, 2015. – 144 с.
19. *Сорокина Н.А.* Современные реалии миграционной политики Финляндии // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 70–75.
20. *Тaub Д.* Смерть самой щедрой страны в мире // Россия сегодня. 15.02.2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20160215/235391291.html> (15.09.2018).
21. *Чернышева О.В.* Предварительные итоги массовой иммиграции в Швеции в конце XX – начале XXI века // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 7. – М.: Наука, 2011. – С. 250–262.
22. *Хришкевич Т.Г.* Страны Балтийского региона в условиях миграционного кризиса 2014–2015 гг.: вызовы европейскому единству // Псковский военно-исторический вестник. – 2017. – Вып. 3. – С. 142–150.
23. Швеция ужесточила миграционные законы // Взгляд. Деловая газета. – 20 июля 2016.
24. *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009 / пер. Андросова Т.В. – М., 2010. – 472 с.
25. *Anthias F.* Moving beyond the Janus Face of Integration and Diversity Discourses: Towards an Intersectional Framing // The Sociological Review. – 2013. – № 61. – P. 323–343.
26. *Borevi Karin.* Multiculturalism and welfare state integration: Swedish model path dependency // Identities: Global Studies in Culture and Power. – 2014. – Vol. 21, № 6. – P. 708–723.
27. *Carly Elizabeth. Schall.* Multicultural iteration: Swedish National Day as multiculturalism-in-practice // Nations and Nationalism. – 2014. – № 20 (2). – P. 355–375.
28. *David Caballero Mariscal, Agar Marín Morales.* Cultural Angle and Degrees of Transculturation in Multicultural Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy. – 2015. – Vol. 6, № 4. – P. 590–594.
29. Europe’s Growing Muslim Population // Pew Research Center. November 29, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> .
30. *Krister Bjorklund Suomalainen, ruotsalainen vai ruotsinsuomalainen? Ruotsissa asuvat suomalaiset 2000-luvulla // Painosalama. – Turku, 2012.*

31. *Lamanna F, Lenormand M, Salas-Olmedo M H, Romanillos G., Goncalves B, Ramasco J.J.* Immigrant community integration in world cities // PLoS ONE. – 2018. – № 13 (3): <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0191612>.
32. *Lika Rodin.* From othering to belonging: integration politics, social, intervention and the limits of cultural ideology // The Journal of Social Policy Studies. – 2017. – Vol. 15, № 4.
33. *Lipka M., Hackett C.* Why Muslims are the world's fastest-growing Religious Group // Pew Research Center. – 2017. – April 6 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/06/why-muslims-are-the-worlds-fastest-growing-religious-group>.
34. *Malkki L.* Johtuuko radikalisoituminen syrjäytymisestä? // Poliitikasta.fi 1.6.2017. URL: <http://politiikasta.fi/johtuuko-radikalisoituminen-syrjaytymisesta>.
35. *Nielsen J.* (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. – Brill, Leiden–Boston. Vol. 1–10, 2009–2018.
36. *Pinyol-Jiménez G.* The Migration-Security Nexus in Short: Instruments and Actions of the European Union // Amsterdam Law Forum. – 2016. – 4:1. – P. 36–57.
37. *Seema Arora-Jonsson.* Development and integration at a crossroads: Culture, race and ethnicity in rural Sweden // Environment and Planning A. – 2017. – Vol. 49 (7). – P. 1594–1612.
38. Statistics Finland (2018) Population. URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html (дата обращения 02.10.2018).
39. The Future of the Global Muslim Population Projections for 2010–2030 // Pew Research Center. Religion & Public Life. 27 January. 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/>.

References

1. Borodai S.Yu. Islamskie organizatsii v stranakh Evropy [Islamic organizations in Europe] *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskie aspekty: ezhekvartal'nyi al'manakh* [Islam in the modern world: domestic and international political aspects: quarterly almanac]. V. 3–4 (31–32). Moscow – N. Novgorod: ID «Medina», 2013. P. 39–59 (in Russian).
2. Virkkunen, Joni. Borders, Polarizations, and Activisms: Uncovering the Migration-Security Nexus in Finland during the 2015–2016 / Besier Gerhard (eds): *How to deal with refugees? Europe as a Continent of Dreams*. Berlin: LIT Verlag, 2018.
3. Virkkunen I., Gadzhimuradova G.I. *Migratsiya, ekstremizm i terroristicheskaya ugroza v Finlyandii. Sovremennaya Evropa* [Migration, extremism and terrorist threat in Finland. modern Europe] 2018, № 5. P. 131–140 (in Russian).
4. Gadzhimuradova G.I. Zhenskaya migratsiya iz arabo-musul'manskikh stran v Evropu: prichiny i sovremennoe sostoyanie [Women's migration from Arab-Muslim countries to Europe: reasons and current state] *Vlast'* [Power] 2016. V. 24, № 12. P. 147–149. (in Russian).
5. Gadzhimuradova G.I. Opyt migratsionnoi politiki nekotorykh stran Severnoi Evropy i vozmozhnost' ego primeneniya v Rossii (po rezul'tatam kachestvennogo issledovaniya v lagere bezhentsev v Finlyandii [migration policy Experiences of some countries in Northern Europe and the possibility of its application in Russia (for re-the results of a qualitative study at a refugee camp in Finland)] *Vlast'* [Power] 2018. V. 26, no. 4. P. 139–142. (in Russian).
6. Gustafson B. Sovremenniy opyt Shvetsii v oblasti mezhdunarodnoi migratsii: problemy i issledovaniya [Contemporary experience of Sweden in the field of international

migration: problems and studies] *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of social policy studies] 2003. V. 1, no. 2. P. 181–211 (in Russian).

7. Arbatova N.K. Severnye strany [Nordic countries] *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran* [EC before calling migration-tion of the crisis. The position of the European countries] Moscow, 2016. P. 36–41. (in Russian).

8. Kolichestvo musul'man v Finlyandii uvelichitsya pochni v 5 raz [The number of Muslims in Finland will increase almost 5 times] *Rossiia segodnya*. [Russia Today] 08.04.2015 [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://inosmi.ru/world/20150408/227368239.html> (15.09.2018) (in Russian).

9. Kotlova E.S. V poiskakh balansa: shvedskaya model' etnicheskoi politiki na sovremennom etape [In Search of Balance: The Swedish Model of Ethnic Politics at the Present Stage] *Arktika i Sever* [Arctic and North] 2016, № 25. P. 103–104. (in Russian).

10. Mettsel' M. Putin: RF i Finlyandiya dogovorilis' vvesti vremennye ogranicheniya na granitse [Putin: Russia and Finland agreed to impose temporary restrictions on the border] *TASS* [TASS] 22 marta 2016. URL: <https://tass.ru/politika/2798836> (in Russian).

11. *Migratsionnyi krizis i formirovanie musul'manskikh obshchin v Evrope: tendentsii i posledstviya* [Migration crisis and the formation of Muslim communities in Europe: trends and consequences] Moscow. FGBUN ISPI RAN, 2016. 116 p. (in Russian).

12. Mikheev D.V. Migratsionnaya politika stran Severnoi Evropy i ee izmenenie v usloviyakh migratsionnogo krizisa (2014–2016 gg.) [The migration policy of the Nordic countries and its change in the conditions of the migration crisis (2014–2016)] *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: scientific research] 2017, № 6. P. 112–120. (in Russian).

13. *Musul'mane v Finlyandii potesnili pravoslavnykh* [Muslims in Finland have pressed the Orthodox] URL: <https://www.newsru.com/religy/12nov2015/finmusortho.html> (12.09.2018) (in Russian).

14. Osipov G.V., Ryazantsev S.V., Khamrova M.N., Gadzhimuradova G.I. Migratsionnyi krizis i musul'manskii obshchiny: posledstviya dlya Evropy i uroki dlya Rossii [The Migrant Crisis and Muslim Communities: Implications for Europe and Lessons for Russia] *Ob aktual'nykh zadachakh realizatsii gosudarstvennoi migratsionnoi politiki s uchetom mezhdunarodnoi obstanovki: Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii* [On Topical Problems of Implementing State Migration Policies with Consideration of the International Situation: Analytical Gazette of the Federation Council] 2016, № 55 (654). P. 21–43 (in Russian).

15. Pitukhina M. A., Sigova S. V. Klyuchi k uspekhу: opyt migratsionnoi politiki v Finlyandii [Keys to Success: The Experience of Migration Policy in Finland] *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies] 2015, № 4. P. 35–38 (in Russian).

16. Plevako N.S. Shvedskaya model': proshloe i nastoyashchee [Swedish model: past and present] *Severnaya Evropa: problemy istorii* [Northern Europe: problems of history] Iss. 8. 2015. P. 5–20. (in Russian).

17. Polonskii I. Migranty edut na sever. Spetsifika migratsionnoi situatsii v Skandinavii [Migrants go to the north. The specifics of the migration situation in Scandinavia] *Voенное обозрение* [Military review] 26 yanvarya 2016 god. URL: <https://topwar.ru/89728-migranty-edut-na-sever-specifika-migracionnoy-situatsii-v-skandinavii.html> (in Russian).

18. Potemkina O.Yu. Immigratsionnaya politika Evropeiskogo soyuza: itogi i novye vyzovy [The European Union Immigration Policy: Results and New Challenges] *Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya = Migration in Europe: problems and remedies* [Migration problems in Europe and solutions = Migration in Europe: problems

remedy] pod red. N.B. Kondrat'evoi (otv. red.), O.Yu. Potemkinoi. Moscow. In-t Evropy RAN, 2015. 144 p. (in Russian).

19. Sorokina N.A. Sovremennye realii migratsionnoi politiki Finlyandii [Modern realities of the migration policy of Finland] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 2008, no. 2. P. 70–75 (in Russian).

20. Taub D. Smert' samoi shchedroi strany v mire [Death of the most generous country in the world] *Rossiya segodnya* [Russia Today] 15.02.2016 [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://inosmi.ru/politic/20160215/235391291.html> (15.09.2018) (in Russian).

21. Chernysheva O. V. Predvaritel'nye itogi massovoi immigratsii v Shvetsii v kontse XX – nachale XXI veka [Preliminary results of mass immigration in Sweden at the end of the XX – the beginning of the XXI century] *Severnaya Evropa: problemy istorii* [Northern Europe: problems of history] Iss. 7. Moscow. Nauka, 2011. P. 250–262. (in Russian).

22. Khrishkevich T. G. Strany Baltiiskogo regiona v usloviyakh migratsionnogo krizisa 2014–2015 gg.: vyzovy evropeiskomu edinstvu [The countries of the Baltic region in the conditions of the migration crisis of 2014–2015: challenges to European unity] *Pskovskii Voенно-istoricheskii vestnik* [Pskov Military Historical Journal] 2017. Iss. 3. P. 142–150. (in Russian)

23. Shvetsiya uzhestochila migratsionnye zakony [Sweden tightened immigration laws] *Vzglyad. Delovaya gazeta*. [Look. Business newspaper] 20 iyulya 2016 (in Russian).

24. Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu. *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009* [The Political History of Finland-1807–2009] translit.T.V. Androsova. Moscow, 2010. 472 p. (in Russian).

25. Anthias F. Moving beyond the Janus Face of Integration and Diversity Discourses: Towards an Intersectional Framing. *The Sociological Review*. 2013, № 61. P. 323–343.

26. Borevi Karin Multiculturalism and welfare state integration: Swedish model path dependency. *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2014 Vol. 21, № 6, P. 708–723.

27. Carly Elizabeth Schall Multicultural iteration: Swedish National Day as multiculturalism-in-practice. *Nations and Nationalism*. 20 (2), 2014, P. 355–375.

28. David Caballero Mariscal, Agar Marín Morales Cultural Angle and Degrees of Transculturation in Multicultural Societies. *Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing*. Rome-Italy. 2015. Vol. 6, no. 4. P. 590–594.

29. Europe's Growing Muslim Population. *Pew Research Center*. November 29, 2017 URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>.

30. Krister Bjorklund Suomalainen, ruotsalainen vai ruotsinsuomalainen? Ruotsissa asuvat suomalaiset 2000-luvulla. *Painosalama*. Turku, 2012.

31. Lamanna F, Lenormand M, Salas-Olmedo M H, Romanillos G, Goncalves B, Ramasco J.J. Immigrant community integration in world cities. *PLoS ONE*. 2018. 13 (3). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0191612>.

32. Lika Rodin. From othering to belonging: integration politics, social, intervention and the limits of cultural ideology. *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15, № 4.

33. Lipka M., Hackett C. Why Muslims are the world's fastest-growing Religious Group. *Pew Research Center*. April 6, 2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/06/why-muslims-are-the-worlds-fastest-growing-religious-group/>.

34. Malkki L. Johtuuko radikalisoituminen syrjäytymisestä? *Politiikasta.fi* 01.6.2017. URL: <http://politiikasta.fi/johtuuko-radikalisoituminen-syrjaytymisesta/>.

35. Nielsen J. (ed.). *Yearbook of Muslims in Europe*. Brill, Leiden–Boston. Vol. 1–10, 2009–2018.

36. Pinyol-Jiménez G. The Migration-Security Nexus in Short: Instruments and Actions of the European Union. *Amsterdam Law Forum*. 2016. 4:1. P. 36–57.

37. Seema Arora-Jonsson. Development and integration at a crossroads: Culture, race and ethnicity in rural Sweden. *Environment and Planning*. 2017. Vol. 49 (7). P. 1594–1612

38. Statistics Finland (2018) Population. URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html.

39. The Future of the Global Muslim Population Projections for 2010–2030. *Pew Research Center. Religion & Public Life*. 27 January 2011. URL: <https://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/> .